

Александр Попов
Константин Рубинский
Сергей Ефремцев

Легенды и мифы Челябинска

Издание 2-е дополненное

Челябинск
2010

ББК 83.3(2Росс=Рус)6
УДК 882.09-1
П58

Попов А. Е., Рубинский К. С., Ефремцев С. В.
П58 Легенды и мифы Челябинска. Издание 2-е дополненное — Челябинск, 2010. — 60 с.: ил.

Фото Константина Рубинского

© Попов А.Е., 2009,2010
© Рубинский К.С., текст, фото,
2009,2010
© Ефремцев С. В., 2010

Люди встречают новое раз в году, ёлку наряжают. А новое еже-секундно стучится в наши двери. Голой неприбранной правде неуютно среди нас, одетых в платья и костюмы. Ей тоже хочется нарядов. Украшай правду, как ёлку, встречая новые мгновения и впечатления жизни. Мифы — наряды для ёлок, вокруг которых мы водим хороводы и ждём старого, мудрого деда с подарками.

Александр ПОПОВ

В разных концах Челябины мы живём, а сон нам, троице соавторов, одновременно в День Города приснился. Александр Францевич Бейвель, первый голова града Челябинска, явился в этом сне да говорит:

— Былина да сказ — правдивее нас. А в нынешнем Челябинске добрых мифов кот наплакал, город преданиями любовно не возвеличен, легенд в его улицах да скверах почти нет. Запишите мифы о Челябине, пораруйте да разукрасьте город.

Подивились мы своему общему сну и карандаши в руках оточили поострей...

Если что в записях наших не по вкусу вам придётся — Бейвеля во сне кличьте, он придёт, выслушает. А лучше — сами досочините, пусть наши «Мифы» плодятся, новятся, узорочьем завиваются.

Константин РУБИНСКИЙ

Соленый угол

Немного географии, немного геометрии... геомезыки: есть города — кольца, города — квадраты, в которых углы тянут и тянут «до», «ре», «ми», «фа». А есть «соль»-города — треугольники. Один из них — наш...

Петербург... Гудок голландского табака в трубах «Авро-ры», скрежет невских крепостей, «ери» и «яти» фронтонов, дверные петли мостов, многолинейность выстрела: железо по камню и камни в воде. Чайки сонорных на пирсе... Город трех революций, трех «ре». Речи нет — высокая геометрия звука... Крик поморника на Островах Блаженных. Петроблаженск... Город воспевали Лучшие. Им его и оставим. «Это Книга Великая»... великанам ее и читать.

Москва... Язык и язва Третьего Царства, липкий шорох мочи и крови на Болотной площади, не-глина Рублевки, скважина рубля. Мажорно: ...ля... ля... ля! Звон колец и ропот пробок. В круге первом — кремлевские куранты, во втором — позвонки кассовых аппаратов, всхлипы «штурмующих небеса» и высокомерное «фа» продажного саксофона. В третьем... облажался? Утрись! — Москва!.. Крики блондинок за углом, пеньюары арочного свиста. Книга — Ярмарка. Тщеславия. Пусть листают другие.

Челябинск... Не могу, — спотыкаюсь. Каюсь, — люблю. Люблю треугольник озер — казачьи братины Шершневых, Смолиных, Синеглазовых. Первых нет, нет и Вторых — Третьих. Есть Город — книга Каменского, — треугольная, как татарские скулы. Голь на ямах, карьерах, песках, камнях. В угле. В углу... Юго-западный угол — мой. Застолбил... я бил, меня били — Шершни. Нет, не станция, не посёлок — море. Болото. Водохранилище... Не главная, но ключевая

глава. С картинками, грампластинками: Утесов, Шульженко... о-о! — интонация!.. Да и раньше: маленькая Одесса, зауральский Чикаго, Порт-Артур, Грабиловка, Колупаевка, Шанхай... «Как на кладбище Митрофановском отец дочку зарезал свою...» Пересылка — Челябин — гуляба. И чё?..

Были времена, когда здесь воды было вдоволь... На всех вдов. Заречья.

Река рекла: бесконечность. Река текла — вечность. Миасс. Знакомое название, — пусть дикарское, варварское, но знакомое: «ми»... рисовые поля, голодное детство: рис, рис, рис... Учеба в Токио, присяга, божественный Микадо... рис, рис, рис... трижды. Рис — это вода. Вода — это жизнь. Вода — это любовь. Соль жизни, соло.

— Эй ты, косоглазый, подь сюды! Пора и честь знать — поехали! И чего с ним хозяин возится... ишь ты, японец... какого хрена!.. нашего брата наломали под Мукденом... что груздей... Иди, говорю, азиятец, — пора!

— Это меня! Жаль!.. Река — былого тень — Ямато... И камень на чужбине — Фудзи...

Хироси Кобаяси служил у Валеева, — купец ради престижу нанял-выкупил его у какого-то штабс-капитана в Иркутске. А чего: вот я, удалец, япошку привез — любуйтесь! Кстати, сам не в убытке — это ж всякому любопытно: в лавке товар японец продает! Торговля процветает! У япошки была блажь: вези да вези его за город, на реку. Сидел на берегу часами — все на воду смотрел — молился, что ли...

Сидел это японец, сидел, да вдруг встал и говорит: «Очен-на — каме-на — над-да!» Как отпускал его хозяин, — все камни таскал. Не таскал даже — любовно поглаживал. Перегородил речку — пережат, стало быть, соорудил. Сроду здесь такого не было... Речка да речка — Миасс. А тут высветлилась вода: наскрозь видать все. Ребяшня купаться — шалишь: изгважженное дно-то! Так собрали все — чисто! Рыбы-то, рыбы что стало: и язь, и окунь, и лещ со щукой — судаком, и голавль, да что там... говорят, и сом объявился!.. Посмотрел японец на это и молвил — одно слово обронил: «Шу!» — любовь из ниоткуда, «звук хлопка одной ладони»... соль земли.

«Шум, шум!» — подхватили. Так и повелось: «Пошли на Шум раков ловить! Айда на Шум язей таскать!» Бабы

на Шуму белье полоскали, мужики в кулачную сходились... Одно слово — Шум.

А война в ту пору уж кончилась. Японец домой засобирался, да на свою беду в бор зашел — соловьев послушать. Бор заколоченный стоял, так что при всем при том и не пройдешь. Так он чё придумал-то: мостки через ручьи перекинуть. Каменные. Говорят, долго это он пластался — так и помер где-то под осинкой. Дедок из местных дело продолжил, старался, пока силы были — не убыли. Теперь всякий знает: в бору через ручьи-болотца по камням перейти можно. Хаживали?

Места в лесу, где японец камень добывал, приметили. Уфимский каменный карьер — не слышали? Да карьеров этих, больших и малых, до десятка наберется. Сейчас туда со всего города купаться-плавать-загорать ездят.

До 60-х, пока плотину не построили, на Шуме жизнь кипела. Знаешь, — вишневый цвет на стрежне — катана в умелых руках. Говорят, все гудки заводские — железнодорожные там и сходились — где ж еще? — по воде ближе будет. Баритон АМЗ, фальцет ФД, басовитость ИС... Катанки.

Паровозов больше нет, нет заводских гудков. Нет представления о «заводской проходной». Кстати, японец тот на заводской гудок чуть не молился: «Шу!»

Это я уж потом узнал: «шу» — взаимность. Цзэн-цзы говорил: «Путь Учителя в преданности и взаимности, больше ничего...» А египтяне так бога воздуха величали — ответственного, стало быть, за «прослойку» меж небом и водой. Шу!.. Закралось в душу сомнение, иной раз подумаешь: «шум»-то нашенский не оттуда ль родом будет?..

Теперь над тем местом — над Шумом — девять метров. Водохранилище. Хранилище чего?

А рыбаки говорят и поныне: «На Шуму беспокойно, лед трещит». Как не трещать? Звуки-мелодии прошлого подо льдом не умещаются!.. А рыба там есть: судак, окунь, лещ, чебак... не ледащая рыбка. Из растительных насадок почему-то предпочитает рисовое тесто... присоленное. Только не буду всем рассказывать, где этот Шум.... Сам на ощупь хожу. По звуку. По отзвуку памяти. Хочешь — пойдём?.. Почитаем Книгу?..

Остановись, прохожий, посмотри вокруг: чем твоя земля хуже Японии? Соловьи по-прежнему поют, а вишни

в лесу — не вынесешь... Даже в центре Города — Хоккайдо. Не в этом дело, однако, не в этом!..

Кстати, я тут в Интернете одного японца обнаружил — он захоронения военнопленных соотечественников разыскивает. Кобаяси его фамилия. Или это имя... Неужто родственник? Написать?

Так повелось, что речка наша, Миасс, через три угла протекает. И в Городе у нее тоже три угла-поворота. За каждым углом — история, страдание, счастье и любовь. Соль. Да ты и сам знаешь!..

С. Ефремцев

Город, в котором я живу

Я живу в городе, где много парикмахерских и аптек, поэтому у нас совсем нет больных и лохматых. В соседнем городе царя убили, а на нашем вокзале Ленин выходил оправиться, на это место фонтан водрузили, круговорот воды в природе. Немецкий поэт Гейне утверждал: «Злые собаки в намордниках задом лают». У нас воздух чистый, собак в намордниках не держим, они у нас даже малую нужду на клумбах справляют, а в детских песочницах — другую. Умные твари знают своё место.

Я живу в необыкновенном городе, пассажиры наших маршруток вежливо просят водителей: «Остановите на остановке». И вы не поверите, останавливают иногда и там. Гости города от таких слов в задумчивость впадают.

С шахматной точки зрения город удивительно содержателен и богат. Пешкам у нас не место. Пешеходы не наш жанр. Зато в машинах одни слоны, ферзи и короли барствуют.

Центры дворов у нас являются знаковыми, другим объектам своих мест ни за какие коврижки не уступят. Вокруг них собаки, голуби, божьи хороводы водят. Такое единство птиц, животных и людей впечатляет. А люди наши неприхотливы, нам стаканы без надобности — пьём из горла. Какое подспорье казне, посудомойкам и врачам. Из закусок предпочтение оказываем семечкам, их кожура на асфальте уют домашних ковров воссоздаёт. Да и птицы довольны, твари небесные, людей всегда поддержать готовы. Травмоопасные объекты, каковыми являются лавки во дворах и скверах, власти убрали, за что огромное им спасибо. В прежние времена соображать приходилось, куда ноги,

куда что повыше их приспособлявать.

Я живу в симпатичном городе: люди у нас досуг на короточках проводят, укрепляя при этом коленные суставы.

И самое главное, у нас нет унижающих человеческое достоинство «Ж» и «М». Мы эти акции в кустах акации проводим и не дуемся, а думаем о круговороте воды в природе. И под землю не спешим, метро прорыли, а оно без надобности, неба там нет, а у нас над головой с лихвой и синевы, и облачности. Да, чуть не забыл, мы Китай обскакали по основной статье. У тех фейерверк по праздникам, у нас праздники всегда. Вот в таком городе я живу и другие города мне по барабану. Власти величают нас ласково — подъездными жильцами, руки жмут и улыбаются.

А. Попов

Левиафан

Как-то великий диктор Юрий Левитан к нам в Челябинск выступить приехал. Как всегда, со своим микрофоном. Помнится, одна журналисточка молоденькая спросила: «А зачем вы со своим микрофоном ездите?» А он её взглядом смерил и говорит: «Деточка, в ваши микрофоны мой голос не поместится».

Выступал он в пединституте. Как начал говорить, у женщин мураши по спине побежали, а мужчинам захотелось тут же, в течение часа, коммунизм построить. А как закончил, неприятная штука вышла. Микрофон со сцены после его выступления кто-то умыкнул. В страшную ярость пришёл Левитан, рвал и метал. Ему это чудовище в тридцатые годы специалисты по акустике сделали, оно могло рёв самолётной турбины выдержать да с такой же громкостью и мощностью в динамик передать. Левиафаном был Левитана микрофон — ибо *«от его чихания показывался свет, а дыхание раскаляло угли»*.

Только фирменная солянка с кукумберами в «Уральских пельменях» Юрия Борисовича успокоила. Уехал он, но обиженный, зарёкся в Челябину возвращаться.

А микрофон пропавший, говорят, как драгоценный камень на части распилили да по частям продали. Мембрана досталась Валерию Ярушину. Корпус — Олегу Митяеву. Оба в Челябинске тогда жили. А шнур от микрофона — Александру Градскому, копейчанину в то время.

И через некоторое время засияли счастливые звёзды Ярушина, Митяева и Градского сперва на уральском небосклоне, а потом и на российском. Случайно ли, думаете?

Только мало ли, много ли времени прошло, а уехали все они в столицу. И не потому, что на Урале тесно было.

Видать, так великий диктор на Челябину обиделся, что духом своей харизмы вездесущей через утраченного Левиафана не только на талант, но и на мироощущение наших мужиков повлиял. Не выдержали, поддались. Теперь Россию из столицы прославляют, как когда-то сам Левитан.

А конденсатор от Левиафана, говорят, всё же в Челябинске остался. Ждём-пождём, с чьим именем он теперь из пучины забвения вынырнет.

К. Рубинский

Алая память

Когда получил диплом учителя, меня обуяла гордость от высокого звания. Витал где-то в облаках, земли под собой не чуял. Может, там бы до сих пор и болтался, если бы не встретились в моей жизни два человека, которые опустили на грешную землю.

С Аркашей познакомились в начале семидесятых в клубе книголюбов, что на ЧЭГРЭСе у самой реки стоит. Однажды он к себе на квартиру зазвал за жизнь поговорить. Полуторка, стол, раскладушка, полное собрание Соловьёва, собрание Костомарова... и всё! Медик по образованию, он работал сторожем при церкви. Когда я проговорился, кто я и чем горд, он вскочил с раскладушки и стал бить словом по моей морде, не щадя ни глаз, ни ушей.

— Ты же не дурак, понимать должен, что это одна из самых вредных профессий. Уходи, пока не поздно, не успеешь заметить, как затянет, и тогда ты окончательно погиб. Школы и без тебя под завязку набиты живыми трупами учителей.

Я был ошарашен, не поверил ему, хотя с годами что-то в мозгах зашевелилось. Заскакал по земле одной ногой, вторая всё ещё там, в облаках болталась. Столкнулись с ним в 91-ом, в то время по земле я уже на двух ногах ходил. Он с точностью до года лет двадцать назад предсказывал падение советской власти. При встрече с ним я только опустил глаза, он понял, ничего не сказал, улыбнулся и пошёл дальше.

Вторую ногу на землю Надежда Мандельштам вернула. Произошло это так: вычитал в архивах, что первый памятник Ленину в нашем городе сооружён на деньги учителей.

Скинулись они по сто рублей, подыскали скульптора, тот и сварганил памятник вождю на Алом поле. Шёл всего лишь 1924 год, и те учителя были не чета нам, нынешним. В гимназиях учились, Библию знали, иностранные языки, а вот деньги на памятник Ленину дали, а не детям, умирающим с голоду. Я был потрясён — с кем в одной шеренге стою. Искал человека, который смог бы что-то объяснить, как-то успокоить. В родном городе такого не нашлось. В Москву поехал, там через книголюбов вышел на неё, на Надежду. В то время уже верил лишь поэтам да их терпеливым жёнам. Меня представили как заблудшего провинциала. Пили на кухне чай с вареньем, и я рассказывал всё без утайки.

— Знаете, молодой человек, сейчас модно Сталина ругать, всю вину на него сваливать. Завтра эти люди примутся за Ленина. Они не виноваты.

— А кто виноват?

— Вы не догадываетесь разве?

— Нет.

— Не испугаетесь, если правду скажу?

— Думаю, нет, я готов к ней.

— Мы виноваты.

— Кто?

— Мы!

А. Попов

Боевая подруга

Все знают, что у нас на постаменте в самом конце улицы Горького танк стоит. Да мало кому ведомо, что в полной он боевой готовности, хоть сейчас заводи и поехали. Весь секрет в том, где и у кого ключ от танка хранится... Пионеры искали-искали, не нашли, сейчас скауты ищут. Краеведы, те в округе всю кору на деревьях погрызли.

Грешен, знаю того человека, кто ключ от танка в своём сейфе держит. Сам я слаб в коленках, а она терпелива не в меру, давно могла танк завести да по обидчикам ладом проехаться. Легендарный Зальцман, директор Тракторного, ключ ей этот завещал да наказ давал при свидетелях. Из свидетелей нынче лишь один памятник Горькому остался, что у «педа» смотрящим за образованием стоит. Студенты много раз пытали пролетарского писателя, но не на того напали, молчит буревестник революции и точка! Порой повернёт голову в сторону танка, в ус улыбнётся, кое-кому из преподавателей кивнёт и опять застынет в позе смотрящего. Ректорат пытался к нему с выпивкой да закуской подъехать, да куда там, плачет, а не берёт. Говорят, сам диктор Левитан приезжал правительственным голосом увещевать: «Алексей Максимович, лучше признаться, у кого ключик хранится». Горький тогда к небу голову поднял, на Левитана голуби слетелись, и тот бежал в свою Москву успехи озвучивать.

Росточком хранительница ключа так мала, что заметить её сложно. А вот в фамилии её синева, как в незабудках июньских, правда, отчество чересчур замысловато. А языком она не одним владеет, танк-то по многим странам Европы прошёл, всяких слов понабраться успел. Большого поведать

не могу, беспокоюсь за её безопасность. Что касается имени хранительницы, скажу сразу, краше его нет на свете. В последнее время кажется мне, вот-вот не выдержит она бардака в нашей сфере, сорвётся, достанет из сейфа заветный ключик, заведёт боевую машину и ринется в последний, нешуточный бой. Много голов безответных полетит с насиженных мест к ногам Горького. Т-34 в Европе порядок навёл, неужели в родном городе не сумеет? А если вслед за ним пехота пойдёт... Рядовых у нас пруд пруди. Заводи, подруга, поехали!

А. Попов

Всеснежинск

Белый лист и стилия — ноль, и кур в ошип, во ши, во тще. А ты? Чистый лист — за счастье... за слезой окаемочной — там, — за стеклами очков, где ты и есть. Сам. Перед собою чисты все, штафирки и не — не важно. Жалко, важенок нынче мало — ватаги всё... олень — это теперь ругательство почему-то. Муть, короча. Окайгородило.

Набело — тяжело: мечту осуществляю — записать «сборник» (в 70-е так это у нас называлось) лучшего из «лучших». Былых и о былом. Как пишут сейчас в «Классик-Рок»: «...ностальгирующий по «Smokie» сорокалетний придурок». «Придурок» — это я.

У меня, челябинца 1964 г.р., вся жизнь — под «Smokie», под «Eagles», «Nazareth» ... и что? Родной город с ними рос и вырос... в 70-е... Меньшим патриотом не стал.

Снимаем кино? Кадр № 1: Ни один выпускной вечер (школы №1, 2... 10...56... 80... 121) не обходился без «What Can I Do». Первые влюбленности, поцелуи, измены и отдачи — ключи от дачи в кармане. Пóшло? Дурачок! — это ж молодость, — пятый этаж, не десятый! Модные водолазки, вечный ситец юных сердец — раз! — и первый раз. А свидания «под левой гусеницей танка» на Комсомольской? А «майские рассветы»? А первые «кассетники» — «Весна» на улицах Челябы. Помнишь?

Такая вот идея: где-нибудь на Броде (ой! — Кировке) кафешку открыть, назвать непременно «Сороковка» — для тех, кому за... «Midnight Cafe». И чтоб дежурное блюдо — окрошка и пельмени, «Smokie» и орлиный «Hotel». Нет-нет, Калифорнией чтоб и не пахло, — это ж наше все, почти шершневское... А рядом «Шестидесятка» — там джаз, там

Глен Миллер с Эллой. А еще «Планета Ариэль»: «милая, поверь-поверь, я люблю тебя теперь...», Джон Леннон, так и не нашедший у нас своей улицы, вечный Паша Макаров... «Ариант» свою продукцию будет поставлять — за созвучие.

Кадр № 2: «Stranger...» Нужно что-то объяснять? Если ты челябинец 60—64 г. р. (плюс-минус!) — нет!

Кадр № 3, 4, 5, 6... «Back to Bradford» — «уж вы сени, мои сени, сени липовые...» — ну очень похоже... Из распахнутых окон — то тут, то там — музыка. Сейчас этого нет. Твоя родная улица молчит, пещерным питается — над диванным TV, перепоночным FM. Все как у людей... Только Крис Норманн в гости не заходит, — брезгует, наверное...

Кадр № 7: Концерт «Nazareth» в Челябинске... Лет пятнадцать-двадцать назад — немыслимо! Но: «Звезды восходят на Западе, а заходят на Востоке»... Солидные дяди и сопливые девчонки — рядом. Одна другой: «Это чё, МакКартни петь будет?» Оборачивается один из «солидных» и — через скрип кожи: «Запомни, деточка, — МакКартни — это «Битлз», а МакКафферти — это «Назарет»! Тебе «Блестящих» слушать... А потом «солидный» утирал слезы под «Dream On»...

У каждой улицы была (и есть!) своя музыка — не замечали? Для нашего многодымного города «Smoke» — в самый раз. Снег выпал — белый лист под ногами. Привет из прошлого. Хруст снега не может быть пошлым. Пошли в 70-е? Провожу!..

С. Ефремцев

Аид по-советски

От советских времён в Челябине остались два ресторана, вернее, два их названия: «Уральские пельмени» да «Цыплята табака». Но мало кто знает: удержаться двум этим ресторанам на плаву и по сей день способствует ЗППП (закрытая площадка потайного питания, а не то, что вы подумали).

Если провести мысленно прямую между «Цыплятами» и «Пельменями», посередке окажется Алое Поле. Челябинцы не раз примечали — ближе к вечеру (особенно в жаркие дни) из «внутренностей» памятника-мавзолея Ленину, что рядом с аллеей пионеров-героев, доносится слабый запах еды.

История мавзолея началась в 20-е годы прошлого века. Тогда нижний уровень памятника распахнули для всех желающих: была организована читальня для повышения политической грамотности населения. Когда грамотность повысилась, памятник закрыли для внутреннего доступа.

После распада СССР в людях затлела ностальгия. И два челябинских «брендовых» ресторана решили скинуться и организовать ЗППП «Общепит». От каждого из них к Алому Полю прокопали подземный ход. Там по монорельсу скользят официантские тележки-самокаты и маленький трамвайчик для перевозки клиентов.

Собственно, это не ресторан, а советская столовка 60-х. Пусть её название не введёт вас в заблуждение — доступ до сих пор открыт избранным (в основном бывшим «сливкам» номенклатуры и отставным высоким армейским чинам), которые в советское время объедались дорогой едой из распределителей, ощущая себя избранныками социализма. Соответственно, в капиталистическое время, чтобы ощутить элитарность, им снова нужна уникальная кулинария. Но

где её возьмёшь? Икру, вырезку, соловьиные язычки теперь можно купить в любом месте, пускай и недёшево... И вот кто-то гениально придумал: если в СССР элите был недоступен вкус НАСТОЯЩЕЙ советской еды, то сейчас он как раз недоступен всем остальным, а элите должен быть открыт!

При входе в столовую нужно обменять современные деньги на старые (курс — 50 долларов к пятидесяти копейкам), в столовке — цены абсолютно советские. То есть, за семьдесят копеек можно пообедать с лихвой.

Холодная манная «бабка», затвердевшая стылым квадратиком на тарелке — по восемь копеек, столько же — перловка, пахнувшая невымытым холодильником, тушёная коричневая капуста чуть подороже. В котлетах практически нет мяса, но нет и сои — что там внутри, одному Ильичу известно. Компот в гранёных стаканах очень даже ничего, хотя позавчерашний вишнёвый подкрашивают марганцем. В столовой на раздаче работают толстенные тётки с багровым цветом лица и соответствующими манерами, тарелку с супом бухают о стойку так, что суп расплёскивается. Только молочную лапшу не постигает эта участь: последняя накрепко «схвачена» сверху неаппетитной плёнкой-пенкой, по консистенции напоминает застывший гипс. Полумытые, жирные алюминиевые вилки с гнутыми зубцами дополняют картину (ложек на раздаче нет; на робкие просьбы дать ложку или нож раздатчица хохочет вам в лицо, обнаруживая пиратский золотой зуб). Ну, и конечно тусклые тарелки с мутно-зелёной надписью «Общепит» и синими загадочными циферками на дне, а также угрожающего вида советский кассовый аппарат с громким стрекотаньем и выскакивающими на роликах счётчика белыми цифрами. Над кассиршей — выцветшая табличка с классической надписью типа «ПАЛЬЦАМИ И ЯЙЦАМИ В СОЛОНКИ НЕ ЛАЗЬ».

Не успеете поднести вилку ко рту, а мрачная старуха-уборщица в засаленном сером халате возьмёт да протрёт стол кисловонючей тряпкой (они специально на подхвате стоят, ждут, когда клиент кушать решится), и вам начнёт казаться, что вся еда этой тряпкой пахнет. Впрочем, чай действительно пахнет: тряпкой, веником, опилками, жжёным сахаром. «Тот самый чай» стоит три копейки, столько же стоит газировка из ностальгического автомата в предбаннике

столовки, но автомат в ответ на кинутую денежку издаёт «смывающий» унитазный звук, а воду не выдаёт: сломан.

Словом, старые номенклатурщики рыдают. «Какую страну просрали!» — раздаётся там и сям. Героические идолы сверху хранят мстительное молчание.

В «Общепите» можно заранее заказать столик (эмалированный, на четырёх тонких ножках, мокрый, липкий, шатающийся). Зал ресторана спроектирован так, что каждый столик под землёй по расположению соответствует одному пионеру-герою сверху. Поэтому столики заказываются «под Морозова», «под Дубинина», «под Космодемьянскую».

Никто не скрывает, что еду в основном готовят из объедков, которая остаётся от посетителей «Цыплят» и «Пельменей». Но это, помимо безотходности и экономичности ресторанного производства, вносит дополнительный элемент здоровой экзотики в «Общепит». К слову, и простые граждане, проведая о секретном заведении, немного переплатив и подписав документ о неразглашении, имеют право переступить порог элитного Аида. Правда, зашкаливающая яркость их воспоминаний уже несколько раз доводила до того, что к ЗППП вызывали карету неотложки. Впрочем, денег, отданных за возможность побывать внутри аттракциона, назад еще никто не потребовал.

К. Рубинский

Верное блюдо

В Москве Арбат, у нас Кировка, хотя справедливости ради она обязана быть Тарасовкой. Тарасов наш — Киров пришлый. Но наших у нас не любят, с пришлыми проще.

При входе на Кировку Вас встречает не тронутый пальцем городской. Что поразительно, и не пробуют. У мужика с прошением к Законодательному Собранию те же приметы, но подтекст тут другой. А вот у кокетливой дамочки правый локоток отполирован мужским вниманием изрядно. Робкий все-таки у нас народишко, в другом городе она бы грудками блистала. Отношение к нищему у банка снисходительно-доброжелательное: лысину заласкали так, что любому фонарю фору даст. У пенсионера на лавочке руки и трость тронуты теплыми ладонями горожан, за что им низкий поклон и спасибо тихое от людей с возрастом, хоть так заботятся, и то дело.

У Розенбаума основательно заиграны струны, правое колено и левый носок ботинка. Здесь всё понятно и логично. Давай в том же духе, Александр! Художник абсолютно обойден вниманием, живописцы, как и животные, у нас не в чести. Сюда бы фотокорреспондента, он бы от тоски так не серел. Да и для потомков зафиксировать не лишнее, какой попсой народ зачитывался в начале века. У учительницы с ребенком основательно обступлены ноги, у ребенка голова облысела от усердия. Нет все-таки тяги к естественным знаниям у сограждан. Грудь учительницы темная-темная от несоприкосновений.

А у собачки пограничника в столичном метрополитене нос отполирован до совершенства. Москва — студенческий город. Правду сказать, и у нашей собачки, что у ног мужика

с прошением жметя, на носике следы проблесков обозначены. Не всё столицам у собак носы тереть, мы и не такое можем отчебучить, челябинцы всё же.

А в Нью-Йорке, городе на Манхэттене, у бизнес-быка, простите, тестикулы до солнечной ярости доведены. Тут всё понятно, Нью-Йорк — обитель миллионеров. Вот такое Фаберже получается. В Петербурге, городе на Неве, студенты веками коня Петра обихаживают. Ни для кого не секрет, что наше: и городское, и областное всё — верблюд. Догадайтесь, земляки, какую часть его тела трем чаще всего? Я-то знаю, вот Вы как думаете? Если скажу честно, без купюр, Вы мне, понятное дело, не поверите, пойдете поглазеть, и тут вам шок на все сто обеспечен.

В чем дело, дорогие сограждане? Почему этот элемент нас так притягивает к себе? В глаза ему посмотреть боязно, вдруг плюнет экземпляр гербовый. А тем местом не плюются, вот и трем его до блеска. Верное это блюдо — ладно трём сверху донизу. Нет, не стану называть. Катитесь туда сами, я пойду к Левше блоху щекотать.

Понять никак не могу, над кем она так смеется — дура насекомая?

А. Попов

Закон памяти

По диагонали — как вены на запястье — улицы. Кузнецова — Наташи Ковшовой — Тракторная. Перекресток Кузнецова и Ковшовой — «две Звездочки», двух Героев пересечение, встреча мужчины и девочки, так и не ставшей женщиной... Обе улицы выходят на Шершни — на воду выводят. По ним зимой и летом рыбаки топают — 56-ой школы выпускники по преимуществу — «ковшовцы». В школьном дворе памятник стоит Наташе: пацанами металлолом собирали, на завод к мамкам «на практику» ходили, «шефы» (тогда АМЗ от супостатов страну защищал, были у завода деньги) помогли. Рубля три и я на памятник заработал. Когда на рыбалку к родной Воде иду, обязательно через школу — поклониться. Память...

Очень не нравится, когда слышу определение «Памятник Природы». Должна быть Природа Памяти... Вот ее и должно охранять. Государство.

Поклонюсь — хоть мысленно — детству своему, Наташе, — и на берег. Без испытанной радости-дрожи рыбацкой не уходил. Связь, должно быть. Связь должна быть!

Судите сами: Бутаки, Смолино, Синеглазово, Шершни — песня для челябинского рыбака. А почему? Потому что песню сочинили предки наши — казаки. Бутаковы, Смолины, Синеглазовы, Шершневы... Помнишь? Знаешь? Приходи — без рыбы не останешься. А хапуги — браконьеры? — спросите вы. Что ж... видать, памяти у них нет. Природа их и погубит. Такой закон...

С. Ефремов

Три кепки

У каждого города свой головной убор. Мой город кепкой коронован и не одной. Кепка по форме схожа с канцелярской кнопкой. Ещё Евклид утверждал: «Три кепки, не лежащие на одной прямой, определяют плоскость». Вот о трёх кепках и пойдёт речь.

Первая у чугунных ног нищего возле «Альфа-банка», да и сама вся из чугуна. Люди в надежде разбогатеть бросают туда монетки, гладят нищего по голове и гуляют себе дальше. Настоящие нищие — те всегда на стрёме, их эта кепка и кормит, и поит, и молятся они на неё, кормилицу.

Вторая кепка — на этой же улице, на лице футбольного мяча, задумка прежнего мэра. Ему хотелось к мэру мэров Лужкову стать поближе. Подвёл он его к кепке и спрашивает:

— Не узнаете себя, уважаемый?

Лужков узнал, страшно обиделся на наш город.

— У вас все считают, что у меня мяч футбольный вместо головы или это только Ваше мнение?

Прежний мэр растерялся, в себя погрузился надолго.

Скульптор решил мэру помочь, к Лужкову подкатился.

— Не волнуйтесь, к завтрашнему утру мы Вам голову заменим.

Но заменили не голову Лужкова, а главу города.

По законам Евклида, «две несовпадающие кепки определяют прямую». Эти не совпадали по содержанию. Вот так была выстроена генеральная линия города: «Движемся от кепки нищего, опрокинутой решкой, до кепки Лужкова, восседающей на мяче орлом».

О третьей кепке рассказал Сергей Довлатов, в цикле рассказов «Чемодан». Сам Сергей в нашем городе не бывал, но слышал, как открывали памятник Ленину. Скинули серую материю, и все хлопают правой руке Ильича, указывающей дорогу в будущее. Погода стояла ненастная, вождь по этому случаю в кепке был на голове, а вторую... сжимал левой рукой, пряча там от всех наше прошлое. Кто-то захохотал над двухкепочным Ульяновым, а через час, в конце митинга, до всех дошло, что Ленин прячет. Его за это серой материей накрыли. Скульптор за ночь одну из кепок Ильича изъясил. Памятник успешно обнародовали. А вот куда кепку спрятали, ту, где наше прошлое? Краеведы тайно все годы советской власти вели поиск. В ней, говорят, часть золота партии заныкана — и немалая. Золото нашли, но не краеведы, мы на него капитализм строим, а прошлое в кепке осталось.

Друзья в Америке познакомили с дочерью Довлатова, та, узнав, из какого я города, поведала, где кепка зарыта. Теперь я уверен, кепки не лежат на одной прямой. Откапывать третью кепку опасаясь, у прошлого столько боков, неизвестно, каким к городу повернётся. Фасон той кепки известен. Хочется к бизнесу обратиться: «Давайте пошьём, пусть люди прошлое покупают, там хорошего полно, а вам барыши. Но тайна, где кепка хоронится, пусть у меня остаётся на всякий случай».

Наша мэрия удивительно мобильна — услышала, поддержала, начала вручать кепки на день рождения города по трём номинациям: Нищего, Ильича, Лужкова.

А. Попов

Виагра для крота

Радостное событие! В Челябинске появился новый социально-гуманитарный Фонд. На этот раз он помогает не инвалидам, пенсионерам, сиротам, а метростроителям. Отчаявшись закончить возведение хотя бы первой очереди метро без помощи народа, строители кинули клич «с миру по нитке» и, надев специальные жёлтые курточки с обязательной буквой «М» в области сердца, сняли каски. Каски теперь лежат на тротуарах, и в них кидают монетки. А отважные мастера кирки исполняют за это «вагончик тронется, бюджет останется», аккомпанируя в такт отбойными молотками. Вырученные средства идут в фонд строительства.

Конечно, этим не ограничивается. Метростроители давным-давно обдумывали пути привлечения новых финансов для активного продолжения сооружения. И подземные переходы хотели запускать на средства инвесторов, и высокопрочный бетон производить, и склады в аренду на собственной базе сдавать, и делать на законсервированных площадках автостоянки. Но разве этим дело ограничиться может? Нет, здесь нужен широкий клич, чтобы поднять волну поддержки. Конечно, как в старые времена, народ на строительство метро добровольно не снимется, это вам не БАМ, да и романтики мало — в уральском чернозёме ногтями ковыряться. Но с глубокого ручейка начинается река. Не боги метро ковыряют.

Для начала обратились в Ильменский питомник. Питомник согласился помочь, принялся кормить своих кротов «Виагрой», в результате чего последние расплодилось неимоверно и, говорят, чуть не организовали массовый побег из питомника с грандиозным подкопом. Метростроителям выделили несколько десятков экземпляров и строительство

пошло чуть быстрее. Правда, земля твёрдая, поэтому передовые силы уже набили изрядные шишаки. Слухи доползли до регионального отделения «Гринписа», и изобретательным метростроителям пришлось сворачивать лавочку.

Затем гуманитарной службой был заключён договор с Китайским рынком. После введения в эксплуатацию первой очереди всем представителям дружественной страны, радующей нас тапочками за десять рублей пара, предоставляется бесплатный проезд в местном метрополитене на три года. За эту радость китайцы должны были снабдить метростроителей обыкновенными хлопучками и петардами по самое «не хочу», облегчив тем самым проведение взрывных работ. На безрыбье и петарда рыба, а иная из них производит эффект почище динамита. Темпы строительства значительно ускорились: отныне строители продвигались на 1,7 миллиметра в месяц больше, да ещё заключали пари, чья хлопнет быстрее.

Просветительская работа была организована в яслях и садах. Активисты из туннелепроходцев рассказали детям, как трудно живётся под землёй, как скорее хочется вырваться из мрака на свет, закончив хотя бы первую очередь строительства. Малышня прослезилась, потом заревела в голос. В подставленные каски посыпались пластмассовые совки, формочки для выгребания песка, деревянные лопатки и прочая полезная утварь. Местный поэт, подхватив инициативу, тут же создал для подрастающего поколения гуманитарную речёвку: «Я совок не берегу, метрострою помогу», и отказался брать за неё гонорар. Эта строчка, положенная на техно, и поныне популярна в танцклубах города. Правда, предложение строителей устроить благотворительный дансинг в недостроенном туннеле особого энтузиазма не вызвало.

Но главные надежды сотрудники фонда возложили на Челябинский зоопарк. Работники зоопарка предлагают купить в Африке уникального слона, воспитанного страусами, и почаще пугать его, чтобы он продалбливал головой землю, стремясь спрятать её в песок. Тогда, как утверждают специалисты, метро в Челябинске появится без особых усилий со стороны строителей. Правда, такой слон стоит дороже, чем годовые расходы на строительство метро, поэтому вопрос до сих пор не решён. Но надежда остаётся.

К. Рубинский

Соловьиные двери

- Вы доктор?
- Я, а в чём, собственно, дело?
- Соловьи в голове у меня запели.
- Сколько их там у Вас?
- Сегодня утром пятнадцать насчитала.
- Пятнадцать — явный перебор.
- Посоветуйте, доктор, как быть? Поют, окаянные!
- Выпишу Вам рецепт, всем помогает, надеюсь, и Вам повезёт.

Взяла баба рецепт из рук доктора и домой поспешила. А в рецепте предписывалось встать у дверей и ждать. Чего ждать — о том ни слова. Вот и встала она у своих дверей и дождалась. Мужик со службы вернулся, да как дерболизнет дверью, аж искры из глаз полетели. На лбу у бабы шишак вскочил, а соловьи все разом издохли. Растянула тишина бабу в улыбку и воскликнула та в восхищении:

— Вот доктор так доктор, одним махом всех певцов об-разумил.

А как спать улеглись, мужик ворочался, ворочался и простонал:

- Не могу уснуть и всё, хоть Лазаря пой.
- А что, не мила стала?
- Пустотой давит так, что сердце заходит.

И дошло тогда до бабы, какие соловьи в голове её голо-сили. Вспомнились ей те пятнадцать слов, что он однажды в молодые годы сказал, а она в заботах да хлопотах забыла, оплошала — за соловьёв приняла. Утром встала пораньше, помылась, прибралась и по ту сторону дверей стоять отпра-вилась. Так и стоят они до сих пор, она по одну сторону, он по другую, спят и то стоя. А во снах от тишины покоя нет, уши она закладывает. Дверей в нашем городе уйма, я по скрипу знаю, какие соловьёв из голов вышибают. Есть и

такие, где один-два заведут трели, да и затихнут. Грешен, секреты не умею хранить, голова у меня дырявая.

На улице Цвиллинга, возле кинотеатра Пушкина, напротив ресторана «Титаник», много лет висят удивительные двери, в них до сей поры соловьи те пятнадцать слов любви насвистывают. Три коленца пять раз подряд и порядок.

Напоследок сказать хочется, дорогие сограждане, опасайтесь непроверенных дверей, рецептов докторов, в жизнь невлюблённых, и болтунов вроде меня.

А. Попов

Рот-торт

У нас, как в любом провинциальном городе, был парк культуры и отдыха. Покой пионеры охраняли: кто барабанами, кто горнами. Зелёные насаждения девушки с веслами стерегли. Хулиганов мужики отбойными молотками от каруселей отгоняли. Все они были белолицы, белошанны, белоноги и белоглупы до посинения.

Перестройка все это известковое добро как корова языком смахнула. Парк облысел, культура в сосновый бор партизанить подалась. Свято место пусто не стоит... Соорудила власть из хлама два огромных памятника, на все цвета радуги размалёванные. Один торт, другой — рту. Торт из барабанного помеса, рот из горла. Ступеньки к тарту из весел, а цветочки вокруг из девушек без ремесла натыкали. Парк переименовали — велено его парком рта и торта величать. Вот такая аорта получается...

За счет ртов тот торт всё и выше и выше тянется. Ходят люди в парк облизываться, а культуры захочется, в бор бегают — там её навалом. Гагарина нет, Курчатов в воротах стоит. Заступиться за народ некому. Не надо было отбойные молотки отдавать да белый свет на радугу выменивать.

А. Попов

Неизданное стихотворение Бальмонта

После смерти великого поэта-символиста Константина Бальмонта в левом кармане его леопардового жакета был найден неизвестный доселе набросок стихотворения. Вот он. Слова, написанные неразборчиво, в расшифровке которых есть сомнения, приведем в квадратных скобках.

Я в яме [дальней] и убогой,
Средь одалисок побледнелых,
Читал туманные эклоги,
И мне внимали оробело.

Но тщетно о купавах свежих
Молил, снедаем жаждой душевной:
Кругом взирали безмятежно,
Безмолвно, глухо, равнодушно.

И только мудрые блудницы,
Пробуждены моим сонетом,
Мне разрешили насладиться
Бесстыдно розовым букетом.

И только [царственный] бродяга,
Что мимо брёл и грезил горним,
Как праведник, почёл за благо
Нарцисс мне кинуть чудотворный.

О, с безмятежными цветами
Отрады мне не будет мало:
Я исцеляюсь в нищей яме
Благоуханьем Идеала.

Около века литературоведы бились над этим малоизвестным стихотворением Бальмонта. И только мы сумели приоткрыть его тайну.

Как известно, в начале прошлого века Бальмонт заехал в Челябинск. В зале женской гимназии 13 марта 1916 года он прочитал лекцию «Лики женщины в поэзии и жизни» и познакомил собравшихся гимназисток со своими новыми стихами. Современники вспоминают, что единственным условием, которое поставил поэт, было наличие цветов, ибо, как он говорил, поэзия без цветов «не дышит». Однако с цветами отчего-то вышла заминка. Лишь два букета получил Бальмонт. Первый прислали из дома терпимости (в котором ныне по парадоксу судьбы находится Горздравотдел). Второй букет принёс какой-то нищий оборванец. Вечер Бальмонта удался.

Перечитайте стихотворение ещё раз. Вам будет понятен и перевод тюркского слова «Челяба» — «яма», и великолепный образ одалисок-гимназисток, внимавших Бальмонту, и мечта о цветах, и эротическое наслаждение «бесстыдно розовым букетом», присланным из публичного дома, и, наконец, поэтическое возвышение нищего до «царственного бродяги».

Вдали от Родины, на чужбине, великий символист написал это стихотворение, вспоминая провинциальный Челябинск, воскресив в памяти два букета, подаренных ему верными и чуткими поклонниками из маргинальных слоёв общества. А мы, спустя век, благодарно склоняемся над его воистину символическим шедевром, которым он с нечаянной щедростью одарил наш не слишком поэтический город.

К. Рубинский

Памяти А.П. Платонова

Напряжение нежности

Сердце у меня одно, а Родины две. На нём два контура выколото: СССР и России. Родину не выбирают: первую дали родители, вторую — дядьки из Беловежской пуши. Иные из соотечественников стесняются своих левых рук. Я — нет, двумя обниматься удобнее. Мне стыдно перед первой и больно за вторую. Она в этом году заневестилась, совершеннолетней становится Россия. Может в брак вступать, в выборах участвовать, но и осужденной может быть на законных основаниях. В России во все времена — не сесть в тюрьму и не сойти с ума — роскошь невиданная. Вот этой роскоши и хочется ей пожелать в год восемнадцатилетия. Страна Россия тёмная, как небо ночное, а люди светятся, подмигивают, падают... И тогда весь мир загадывает желание. Загадайте, люди добрые, чтобы деток своих она не обижала, стариков почитала, чтобы хватило ума извиниться перед миром за шалости детские, за выходки юности. А как извинится, так и мир изменится в лучшую сторону. Главное — помнить: и Пушкин, и Толстой, и Достоевский ещё не предел. С днём рождения, Родина!

А. Попов

Кольцо любви орловой

В молодости чудес много. Пока в армии служил, родители переехали на улицу Красную. Прежняя моя улица упиралась в самый край Востока, заканчивалась заводом, где фейерверки ладили. За моим домом солнце вставало, и я первым оповещал улицу о событиях на ней. Красная начинается на Севере, у реки, югом упирается в хирургический корпус горбольницы. Перпендикулярно прежнему курсу предстояло жить.

За первое утро опасался сильно, на балкон боялся выходить, там последние денёчки мой дембельский май догуливал. Выглянул, а по Красной с Севера на Юг солнышко на спине катается, каждый листок ягодкой розовой метит. Пятнадцать лет довелось радоваться красным зорям самой короткой и, как оказалось, самой важной улицы города. В пуповинке её на Алом поле лет триста назад город мой зародился. От рябины да от солнышка меди в недрах накопилось видимо-невидимо, от зорь закатных да от облепихи-ягоды россыпи золотые пошли. Потянулся народ с равнин векового рабства к нам на Урал. Молодые со всех концов России понаехали. Те, кто пооборотистей, мигом сообразили — молодым перво-наперво кольца обручальные потребуются. Вот и стали их отливать, для тех, кто побогаче, из золота, для простого люда — медные. Сколько детишек благодаря тем кольцам сварганили. Ладно, что там, пора поближе к берегам нашего времени подгрести.

В тридцатые годы прошлого столетия индустриализацию новая власть затеяла, не до колец обручальных стало. Вместо них поршневые кольца изготавливать наладились. А в 1936 году приехала в наш город сама Любовь Орлова,

первая звезда советского кино. Естественно, повезли её на тракторный, рабочий люд вдохновлять. Мужики от красоты экранной так разогрелись, что словом красным побожились вместо десяти тысяч поршневых колец в месяц двенадцать выпускать, и слово мужское сдержали. В следующий приезд получила великая актриса в подарок от заводчан кольцо поршневое за номером 12 210. С пифагорийской точки зрения есть в этом номере и мужское, и женское начало, и символ любви, и знак совершенства. Любовь Орлова не расставалась с ним. После войны на пресс-конференции в Париже журналисты спросили её о самом дорогом подарке в жизни, она кольцом уральским на вопрос ответила. С тех пор и пошли гулять по свету кольца любви орловой.

После кончины актрисы кто-то из её родственников был в нашем городе с лекциями от общества «Знание» и где-то в районе улице Красной кольцо посеял. Искали его тогда долго, считай, весь культурный слой города на поиски кинули. Не могли докумекать — кольцо на родину свою вернулось. Первым про то смекнул Фёдорыч, скульптор наш, мужик мастеровой, золотые руки, а сам весь вроде как из меди высокой пробы отлитый. Отыскал он то место, где кольцо под землю ушло. Задумался крепко и соорудил здесь сферу любви орловой на рубеже двух веков, вроде как один век с другим венчается. С тех пор молодые со всех концов города едут сюда кольца свои обручальные освящать. Меди на сферу столько истратили, сколько браков за триста лет в городе зарегистрировано было. Вот такие дела. Благодаря Фёдорычу орлята один за другим рождаться стали. Был и до Фёдорыча ещё один великий скульптор у нас, Урал за ум Головой его величал. Знал Голова всё наперёд и загодя в самой пуповинке улицы Красной памятник Орлёнку изваял. Мне акушер один знакомый по большому секрету тайну сокровенную открыл, оказывается, из других городов, да что городов, из стран заморских молодые к нам потянулись орлят зачинать.

Вот так будущее на нашей улице Красной начало своё берёт. Жаль, не на ней уже живу, а то глядишь, и мне бы что перепало.

А. Попов

Дело — табак

Говорят, композитор Прокофьев запах табака не уважал. Нет, не тот запах дыма, к которому мы все уже привыкли, а первозданный, медовый, еще не прикуренный. Вроде и нежнее он, и слаще, и цветочнее, и естественнее — а вот не нравился Сергею Сергеевичу.

А я этот запах — ох, любил. Как проезжал в детстве мимо табачной фабрики, что рядом с нынешней Кировкой — вдыхал и наслаждался. И думал: как люди из такой красоты умудряются такой невкусный дым извлекать?..

Потом напротив табачной фабрики памятник Прокофьеву установили. Сидит Сергей Сергеевич задумчив, композиторску думу думает.

Вот с того момента, как он появился, фабрика — будто по знаку какому волшебному — начала хиреть. И в аренду сдавалась, и простаивала, а скоро и вовсе исчезла. И запах, конечно же, вместе с ней улетучился.

Хотите — верьте, хотите — морщьтесь, а до сих пор не жалуется Сергей Сергеевич дух табачный.

К. Рубинский

Почему в Челябинске рыжих не любят

Конечно, есть такие места-местечки, страны-государства, где рыжие в цене. Ирландия там, Германия, Англия. Может, и в Челябинске их кто любит — сердцу не прикажешь!.. Только вот на АМЗ с ними прямо беда: что-нибудь да не ладно! С чего?

А вот с чего: в войну заводы эвакуировали, — из Ярославля привезли, стало быть, станки, оборудование в Челябинск. Побросали железяки, бараки построили (по сю пору пару-тройку найти можно!) — завод пустили. Автоматно-механический. АМЗ.

«Ярославки все бесстыжи // гоп, тили-тили-тили // три баржи // Говорят // не любим рыжих // Выше голову держи!» Первое время волгари еще петь пытались — новое место, башкирочки-татарочки, то да сё. Если голову выше держать, то в портрет упрешься. Того самого. Корифея всех наук, отца всех народов, Хозяина. А Он рыж был...

Так и повелось: ярославские робята напрокудили — кто виноват? Рыжий! Отродясь у нас рыжих не было — темненькие да светленькие — а тут как понаехали...

В общем, так: рыжему в Челябинске одна дорога — в столицу. Их там привечают... софитами, институтами. Шутка ли — Ржавый столп нации!

С. Ефремцев

Пуп-полюс

С Южным и Северным полюсом всё в порядке! Кто за Запад с Востоком ответит? Странно, что почти никто не знает про решение сессии ООН. Там Челябинск назначен восточным полюсом мира. Скоро представители сотен стран кинутся со стягами своих государств покорять наш загадочный город. Место западного полюса пока вакантно.

Специалисты считают рост количества полюсов занятием неспешным. Трёх пока за глаза планете хватит. Предполагается на восточной верхушке мира зафиксировать верблюда, поставить его на довольство. Отрадно, — глядишь, и нам перепадёт... многое, ох, многое придётся в городе изменить. Руки Орлёнку развязать — раз. Не дай бог, мировая общественность решит, что мы так над всеми детьми издеваемся. Левшу следует в один из лицеев определить — два. Вернуть сбежавших классиков на постаменты вокруг драмтеатра — три. Говорят, они за Цвиллинга обиделись и в бега от обиды подались. «Титаник» с подвального помещения следует этажа на два приподнять, вдруг родственники того крушения нагрянут, а он у нас на дне, — неудобно, знаете. Вообще, захорошеет наш город до неузнаваемости, правда, подскажут Сказ об Урале не Дедом Морозом с подарками наряжать, а в тюбетейку, в халат роскошный и мангалы с шашлыками ему в руки велят сунуть.

Сейчас важно решить, какая из точек города для полюса подходит. Тут без референдума не обойтись. Есть мнение, что полюс — это сфера Любви. Там солнце восходит, а не в Японии. Достойный ответ им за Курилы. Каково? Мы пуп Земли и точка! Заживём так, что никаким Европам с Америкой не снилось. Пусть ездят спины нам чесать, как

бесплатное приложение к цупу-полюсу. Вот пиар так пиар! Кстати, этимология слова «пиар» такова: утроенный объём Земли, проще — ври с три короба...

А. Попов

Тополиная фата

Волнуясь от тёплого счастья тополиного пуха, набирал его белые кружева в руки, подносил к её волосам и бережно обдувал их со всех сторон, и Тоня его становилась невестой.

— Ты спрашивала о свадебном подарке, принимай первый.

— А где мы кольца возьмём обручальные?

— Оно будет, но одно на двоих.

— Толя, а как же его носить? Поочерёдно?

— Разберёмся, пошли, оно заждалось.

Он подвёл её к трамвайному кольцу и велел идти по часовой стрелке, сам отправился против времени. Встретились, где минутная с часовой целуются, обнялись и стали мужем и женой.

— Слушай, Толя, как же мы оплошали, нельзя без свидетелей.

— А тополя? Они и есть наши с тобой свидетели.

Она была грешна перед ним тремя лишними годочками, у него грехов было побольше: и парта школьная, и мама преподаватель истории. На Толю все девчата заглядывались, он в оркестре играл на танцах в горсаду. На вырученные деньги водил свою любимую раз по десять на «Цирк», на «Чапаева», леденцами угощал, подушечками с малиновым повидлом. Мама по партийным и педагогическим соображениям была против всего этого. А какие мамы за любовь голосуют?

Толя перед уходом на фронт во дворе своего дома три тополька посадил. Постучал в окошко мамино ни свет ни заря, она выскочила испуганная, неприбранная.

— Мама, посмотри, как на фотографии: ты, папа и я!

Папу у них забрали в 37-м. Толя до фронта не доехал, состав в пути разбомбили. Весь их вагон до единого в братскую могилу отправили. Раиса Павловна похоронку получила, но не сказала о ней никому. А раз никто не знает, значит, жив её Толик, и три тополька за окном живы. Тоню, жену его, она на порог не пускала, да и какая она ему жена, так, знакомая по танцулькам. А та весточки от мужа ждала, да не дождалась. Дочку родила, сказки ей про тополиного папу сказывала. А как в самом конце войны хворь прихватила, написала для дочурки адрес бабушки, в кармашек платяца сунула и велела после смерти своей к ней идти.

В самом начале пятидесятых самовольные постройки сносить стали, ордера выдавали кому на комнату, кому на квартиру. А во время стройки кто о тополях думает? Раиса Павловна все высокие пороги обила, умоляя сохранить деревца, в память о муже и сыне. Не слышали голос её в больших партийных кабинетах. Тогда она написала подробное письмо кумиру своей юности маршалу Будённому. И прилетела весточка с Москвы в обком партии. «Тополя не трогать. Будённый». Вот так, благодаря легендарному маршалу, семья тополиная сохранилась. Раисе Павловне комнатку в новом доме выделили с видом на тополя эти. Однажды она только-только спать собралась, как стук в дверь. Открывает, а там девчонка-подросток стоит.

— Здравствуйте.

— Здравствуй, ты чего так поздно одна по ночам разгуливаешь?

— Мама у меня умерла, а я внучка ваша.

Кольцо трамвайное снесли, заступиться за память об ручальную было некому, умер маршал Будённый. А три тополя на улице Энгельса до сих пор стоят: папа, мама и Толя. В тополиную пору те, кто тайком от родителей венчаться задумали, за фатой сюда приходят. И парни так же, как Толя когда-то, обдувают с ладоней волосы своих девчат белыми кружевами пуха, и те превращаются в тополиных невест.

А. Попов

Маска, я тебя не знаю

Когда театр ЧТЗ после войны реконструировали, помогал в этом деле один немец пленный, из ихних архитекторов. И разработал он на радость глазу маскароны (то бишь, маски лепные) красивые — грустные и смеющиеся. В стилистике неоклассицизма.

Строго было велено «сверху», чтобы плачущих и смеющихся масок было одинаково — ибо нельзя было в советской стране слишком много плакать и чересчур много веселиться, и то и другое зело подозрительно.

Ну, и сделали на фасаде масок и тех, и других поровну.

А в день открытия отреставрированного театра, говорят, неприятность случилась — залез немец на крышу своего детища и спрыгнул вниз. Не хотел, значит, чтобы красота такая его победителям досталась. Терзался, наверное, сильно. Что с ним потом случилось — убили, выжил? История умалчивает.

Да только пополз среди доброго народа слух, что на фасаде стало с той поры больше на одну грустную маску. Причём её ночами специальные люди, атеисты да идеологи, перелепить пытались. Обрато на весёлую. А она всё равно под утро унылой оборачивалась.

Фашистов не жалко, даже пленных, даже талантливых. Может, по ним только маскарон гипсовый и может облиться слезами? Как подумаешь об этом явлении необычном, нечеловечьем, коленки от жути сами будто гипсовыми делаются.

К. Рубинский

Товарищи по несчастью

— Я Саша, а ты?

— А я Ша.

Вот так мы познакомились. А ещё он долго изучал что-то на моём лице. От удивления у него даже глаза выпали, он слепо шарил рукой по полу, аппетитно приговаривая:

— А ты наш, наш ты пациент.

Когда линзы нашлись и вернулись на место, он вдобавок постукал ребром ладони по моему колену и вынес окончательный диагноз:

— Будем дружить — и никаких ша.

Сколько воды утекло с тех пор в городской реке Миасс? Думаю, достаточно. Пора поделиться удивительной историей. Мы с Яшей в те далёкие времена Гумилёвым увлекались. Письма его с фронта читали — перечитывали, пили, плакали и негодовали. Воздуха не хватало жить достойно. Если бы не поэзия, вам бы этой истории не услышать.

— Слушай, я в тебя сейчас глоток свежего воздуха вдую, но о нём никому ни слова ни полслова.

Дышать хотелось, пообещал молчать до скончания века.

— Слушай и не шевелись.

Приняли по сотке, губы пряной килькой обмазали, лбами сдвинулись и... пошло-поехало.

— Представляешь, три дня центр нашего города не узнать. Улицы, деревья, фонари те же, а город другой. Люди с лицами появились, с серебром слов на устах, с глазами, переполненными смыслом.

— Ты откуда знаешь, психушка ведь твоя на отшибе стоит?

— Нас третьего дня главный собирал, странный, как мешком из-за угла стукнутый. Оказывается, его ни свет ни заря в обком на ковёр выдёргивали. Там все в шоке. Говорят, полвека советской власти как коту под хвост. Белые из щелей повылазили.

— Яша, ты бред городишь, — может, от пациентов заразился...

— Мы тоже думали, главный спятил. Он велел всем срочно в центр, по периметру в приказном порядке: Труда, Ленина, Кирова, Цвиллинга.

— И что там у нас в коммунистическом квадрате черти выросли?

— Хуже. Квадрат от поэзии распирало. Театры переполнены, не протолкнуться, в филармонию и ту не попасть.

— Яша, не пей больше.

— Молчите, пациент, и наливайте, наливайте, не то слова высохнут.

— Слушай, Яш, пошли и мы туда?

— Не будь наивным. Там от белых и тараканов не осталось.

— Доктор, я, кажется, схожу с ума.

— Насчёт мозгов как специалист заявляю. А у кого они есть? Представляешь, артистка нашего занюханного ТЮЗА где-то милицейскую форму раздобыла, жезл в руки взяла, встала на перекрёсток Кирова — Труда и давай культурой рулить.

Трое суток без передыху указывала людям путь в театры, в галереи, в филармонию. Самое странное, оказывается, в нашем городе есть люди, которые ей поверили и пошли.

— А где эта женщина?

— Естественно, у нас, в психушке.

— Она сумасшедшая?

— Сейчас да, а тогда наоборот.

— Яша, а попроще можно?

— Её всем составом обкома дубасили за свои страхи!

— Она им что-то сказала?

— Сказала, что прозой разговаривают усталые люди.

— А они что?

— Вывалились все потные, хоть пиджаки выжимай.

— А от неё что-то осталось?

— Красное яростное пятно в крике. Прощение у товарищей по несчастью просит.

Вот и вся история. Как говорится, «птицы на юг, люди в Израиль».

Фамилия той артистки то ли Деникина, а может, даже и Врангель. А звали её, дай бог памяти, цветы такие есть белые-белые...

Без Яшки я осиротел. Порой хожу на тот перекрёсток «трёх дней великой культуры города». Городу три века, по дню на век. Спрашиваю Глинку, Прокофьева: «Мужики, может, уступите место даме?». Молчат, им стоять велено. Живу надеждой, может, Розенбаум или кепка Лужкова уступят своё место великой Челябинской артистке. Я бы тогда пить бросил, венок от товарищей по несчастью заказал.

А. Попов

Дедушка-голышка

В нашем городе с незапамятных времён на привокзальной площади стоит величественный монумент Деду Морозу. Сам Дед из камня, как и все на Урале, а вот шуба да шапка у Деда настоящие, и мешок с подарками натуральный. Другим городам такое и присниться не может.

Народ у нас сметливый, до счета охочий. Вот и считаем с конца декабря до той лютой январской ночки, когда Дедушку нашего до последней ниточки оголят, оставят мёрзнуть в чём мать родила. Нам круглый год этот остаток велено «Сказом об Урале» величать. Как велено, так и зовём — ко всему привыкли. Бажову каково? Боже, да и наш Божё куда смотрит? Дедушка-голышка — это же позорище.

А. Попов

Маза

Как с театром «Манекен» начали дурные дела твориться, стали его выживать да унижать, призвали актёры — люди мистические — биолокаторов: может, барабашка какой у них в театре завёлся, в складках кулис, да ересь творит? Биолокаторы вначале сказали, что барабашку надо перво-наперво в мэрии искать. А потом осмотрели здание кино-театра Пушкина и говорят: да, вы правы, не барабашка, правда, а негативное поле, потому что здание ваше стоит на бывшем Казанско-Богородичном кладбище, которое давным-давно застроили. Вот и мстят вам духи пришлые в образе современных городских чиновников, а что — вполне так по-гоголевски...

Ахнули «манекеновцы» ... А биолокаторы говорят: вот рядом с вами, на углу дома, что по Цвиллинга, — ЗАГС Советского района, он построен на месте церкви во имя Казанской иконы Божьей матери. И поле благостное, статистика разводов у пар, женившихся там, почти нулевая. Посоветовали: может, попроситесь в ЗАГС — спектакли играть? Был центр «ТЕАТР+КИНО», станет «ТЕАТР+ЗАГС». Днём регистрации, ночью — спектакли. Можно поменять местами. Можно объединить. Молодые пары так счастливы, что вряд ли заметят — брачная церемония или «Лысая певичка», а театральные гурманы сочтут реальное бракосочетание новым передовым языком «Манекена».

С тех пор добры люди замечают, что окна ЗАГСа по ночам светиться стали. Видать, начали там спектакли играть, новое пространство осваивать. А недавно раздался из ночных окон «Свадебный марш». Это зарегистрировали официальный брак «Манекена» и ЗАГСа. Уже и аббревиатуру

придумали для такого совместного предприятия, из первых букв имён счастливой пары — МАЗА.

Мало ли что. Вдруг основную сцену всё-таки прикроют. От наших чиновных духов еще и не такого ждёшь.

А в мэрию, кстати, тоже биолокаторов позвали. На всякий пожарный. Так там ничего не нашли, ни барабашки, ни домового. Ни богу свечки, ни чёрту кочерги. Вакуум один отыскали, пустоту гоголевскую, незвучную, докучную.

К. Рубинский

Чай из трилистника

Все-таки странный у нас город: у него тройные жабры — все те же Шершни, Смолино, Первое озеро. Рыбаки давно заваривают чай из трилистника озер — на свой вкус, на свой цвет. Товарищей нет — есть магия: «Все связано со всем, и весь мир можно увидеть в капле воды»... Конан Дойл, да и только! На каплю эту — последнюю! — дуют ветры с трех сторон. На Шершнях — с юго-запада (открывай свой садок — судей не будет!) — успевай ловить-вытаскивать... На Смолино — с юго-востока (все ветры в гости к нам в Центр!). На Первом — с северо-востока (удивительно, что самый «гнилой» для рыбалки ветер здесь продуктивен)!

Челябинцы привыкли к выкрутасам родной природы — не жалуются. А чего жаловаться? На трубу за окном посмотрел — ветер определил... Вперед! Так вот чаёк и завариваем... на трех ветрах. Из трех ветров. А что? Вкусно!..

И каждый рыбачок рисует свой портрет. Арнольфини. И у каждого свой XV век. Собственный. Свой мост во Времени. Брюгге. Помните картину Яна ван Эйка? Ну точно Путин с беременной женой. Дай-то ему Бог... А мы чайку попьем... из трилистника.

С. Ефремцев

Три горба

Так вышло, что у города и у области гербами являются верблюды. Оно бы всё ничего, кризис подкузьмил. Содержать две головы, два брюха, восемь ног и два хвоста стало накладно. Пошептались власти, пошептались и пришли к единому мнению — герба на всех одного хватит. Лучше один сытый герб, чем два голодных. А чтобы многообразие власти соблюсти на одном желудке, хвосте и четырёх ногах, решили две головы присобачить. Так что герб у нас теперь — двуглавый верблюд, сытый и ухоженный. Да, чуть не забыл, по сумме прежних горбов у этого три оказалось. То есть наш двуглавый ещё и трёхгорбый, ёкорный бабай. В зоопарке не протолкнуться, всем охота между горбами посидеть. Пропускная способность — два человека в минуту. За полгода полгорода на гербе покатаются удосуживается. Всё ничего, но как плеваться начинает наша достопримечательность, ни с какой стороны на козе к нему не подъехать. Привыкли. Если держит двуглавый круговую оборону плевательную, значит, выходной у него.

А. Попов

Фиолетовые галифе

У деда моего образования не было. Да на беду мимоходом кто-то буквы ему показал. Книг он прочитал уйму, а всё угомониться не мог, главную книгу искал. А так как таковой, по-видимому, нет, он писал её сам. Только бабка в огород, он шмыг в подпол, ковшиком из кадушки бражки почерпнёт, приложится, огурчиком похрустит и на лавочку перед домом усядется и давай в сети своих словес народ заманивать. Взрослый люд его стороной обегал: от его лапши уши во всей округе ни у кого торчком не стояли. А мы с пацанами, бывало, окружим его и слушаем, разинув варежки.

— Поспать мне, ребятки, ну никак не удаётся. Сегодня ни свет ни заря Котовский разбудил. Толкает и толкает в бок. Я спросонок спрашиваю его:

— Ну, чего надо?

— Спасибо тебе сказать хочу, за галифе-то фиолетовые. Где ты их только раздобыл, чёрт окаянный?

Послал я его куда подальше, не хотелось мне, ребята, герою гражданской войны в воровстве своём признаваться.

— Дедушка, а у кого ты те штаны спёр?

— Дело было так. Рты закройте, а то опять мух наглотаетесь, охламоны. Зашёл как обычно в кабак чарочку пропустить, а там беляки на фиолетовой скатёрке пир горой устроили. Не стерпел я такого хамства, выдернул из-под них материю, крошки с неё стряхнул, свернул аккуратненько, кулаком погрозил харям вражьи и вышел, чарочки не пригубив. Иду и думаю, а на что она мне эта скатёрка, дома у меня своего нет? Смотрю, передо мной ателье по пошиву галифе, зашёл, заказал по размерам аховым. Прикорнул с

устатку, просыпаюсь, а мастер мне галифе фиолетовые протягивает, от денег наотрез отказывается. Я бегом в расположение своей части. Гляжу, командир наш Котовский в рванье по плацу разгуливает. Подхожу к нему, протягиваю. Он смутился, но взял, правда, без слов. Видишь, через сколько лет вспомнил, что поблагодарить тогда не успел. Аж в сон ворвался и поспать не дал. Да ладно, мне тех галифе не носить, от фиолетового у меня, как от лука глаза слезятся. Пойду я, ребята, бабка, поди, давно меня хватилась.

Не знаю, кто из пацанов проговорился нашей училке, а та ко мне как банный лист прилипла:

— Пригласи, да пригласи на сбор деда-героя.

Пришлось бабке всю правду выложить, она у нас в доме главнокомандующий.

— Ох, беда, внучок, беда. Что делать, ума не приложу?

— А, чё, баб, пусть выступит, дед поговорить мастак.

— Дурак твой дед, не язык у него, а ботало коровье. Иди, зови говоруна.

Заходит дед, голову опустил, коленами в пол устался, руки не знает куда деть.

— Чего звала, старая?

— Скажи, скажи внучку, у кого служил, окаянный.

— Да, ладно, чего там вспоминать, что было, то прошло.

— Где служил, гад, говори?

— Честно, у Колчака лямку тянул. Про Котовского сбрыхнул, грешен, одним словом. Прости, внучок. Проси бабку, она выручит.

— А с чем я завтра в школу явлюсь?

— Ложись спать, утро вечера мудренее.

Лёг весь в слезах, соплях и в обиде. Всю ночь снился Котовский на коне в галифе фиолетовых. Просыпаюсь, а они передо мной на стуле висят и ширинкой полной белых пуговиц зубов улыбаются.

— Неси, внучок, своей училке, а дед, скажи, захворал совсем.

Сбор прошёл отлично, меня звеньевым выбрали. Про штаны в местной газете прописали, школа их торжественно в краеведческий музей передала. Висят они там под стеклом с медной табличкой: «Фиолетовые галифе героя Котовско-

го». Раньше пионеры ему честь отдавали, а сейчас нервные дамочки хихикают. Хочется мне им сказать, что мерку на штаны с моего деда снимали. Боюсь только, не поймут...

А вот бабка моя всё понимала. Революция в тех штанах бурлила, а нынче спит она праведным музейным сном на улице Труда, где река время на волнах своих носит.

А. Попов

Короткое письмо Соне К.

Соня, с Вашего молчаливого соглашения мы по вам и на закат, и на восход бродим. Мы благодарным Вам за отсутствие Севера и Юга. На вашей улице все равны. Вы, конечно, знаете, мы редко плачем, Челябинск-город сухой, а когда слёзы сдержать невмочь, к дому Татьянической идём, где она каждому, невзирая на ранг, произносит сокровенное: «гордым легче, гордые не плачут». Если честь наша и вера опускаются ниже положенной черты, бежим к дому Оболенского, он ещё никому не отказывал в княжеской помощи. Спасибо, Соня, на Вашей улице человеческое возвращается. Знаете, когда наши многочисленные предприятия намереваются сбрасывать отходы в Миасс, мы с вёдрами идём к реке и прячем воду от нерадивых по нашим квартирам.

В советские времена справа на восточной стороне мы в полуподвал бутылки ходили сдавать, а нынче, благодаря Вашему заступничеству, тут «Рёбрышковая». Мы ходим туда поболтать с Вами о том, о сём, а когда начинает к горлу подкатывать, кажется, что до вас можно рукой дотянуться и Вы утешите, не дадите до крайности дойти. Вы хранительница затылков трёх наших ведущих вузов. Мединституту явно не повезло, он по соснам до Вас секунды считает. И нам вы даёте право бежать от шума будней на запад, но не в страны европейские, а в бор сосновый, рыже-оранжевый, куда Вы самым краем своим заводите и там осторожно оставляете нас, чересчур суетных, чересчур прямых.

Знаете, Соня, птицы по осени перестали улетать на Юг, они в наших квартирах ждут весенней встречи с Вами. Вы не могли бы шепнуть властям, чтобы женщинам с Вашим именем было предоставлено право иметь квартиры с окнами

на улицу Сони. В семье одного из нас во всех поколениях есть Софьи, Ваше имя их украшает и укрепляет веру в Вас. А второй из нас всё детство провёл в Вашем доме № 46, и окно его выходило на Вас, по ночам он ждал, когда последний троллейбус по Вашей маленькой пустынной улице проедет, мурлыча, и всплеском фар его обдаст. А сейчас он вспоминает эти вспышки из детства, стоя у совсем другого окна, в совсем другом доме, а внизу по совсем другому проспекту днём и ночью едут и едут, однообразно и непрерывно, одна за другой, одна за другой, одна за другой, ни тишины, ни предвкушения, ни волшебства Вашего.

*А. Попов
К. Рубинский*

Содержание

Соленый угол	5
Город, в котором я живу.....	9
Левиафан	11
Алая память	13
Боевая подруга	15
Веснежинск.....	17
Аид по-советски	19
Верное блюдо	22
Закон памяти.....	24
Три кепки	25
Виагра для крота	27
Соловьиные двери	29
Рот-торт.....	31
Неизданное стихотворение Бальмонта	32
Напряжение нежности.....	34
Кольцо любви орловой.....	35
Дело — табак.....	37
Почему в Челябинске рыжих не любят	38
Пуп-полюс.....	39
Тополиная фата	41
Маска, я тебя не знаю.....	43
Товарищи по несчастью.....	44
Дедушка-голышка.....	47

Маза.....	48
Чай из трилистника.....	50
Три горба.....	51
Фиолетовые галифе.....	52
Короткое письмо Соне К.....	55

Александр Евгеньевич Попов,
Константин Сергеевич Рубинский
Сергей Викторович Ефремцев

Легенды и мифы Челябинска

Фото К. С. Рубинский

Верстка В. Б. Феркель

Подписано в печать 015.02.10 г.

Формат 60×90/16.

Гарнитура «Петербург».

Усл.-печ. л. 3,75.

Тираж 500 экз.

Издательство «Цицеро»

454091, г. Челябинск, Свердловский пр., 60.

Отпечатано в типографии ООО «Тираж Сервис».

454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 179.

